

Из Драгобыча в Томск транзитом через бухту Ванино

Воспоминания ветерана ГУЛАГа В.И. Данилива.

Чем бодрей пролог, тем грустней развязка. Такова традиция трагедийного жанра, и биография Василия Ивановича Данилива, умершего в 1999 году в Томске, строго ей подчиняется. Желающие могут в этом убедиться, прочитав воспоминания, записанные со слов В.И. Данилива мемориальским историком Василием Ханевичем.

В 39-м юный житель Львовщины по имени Вася торжественно встречал Красную Армию. На «освободителей» он: правда: только смотрел, зато его тетя родом с Восточной Украины с советскими военными беседовала. Русским языком она владела лучше всех Даниливых и беспечно спрашивала, почему сестра ей пишет, что в СССР женщины ходят в юбках из мешковины. «Это уж где как» – выходили из положения красноармейцы. В отличие от непуганой бабы, осторожничать они успели научиться.

Первые впечатления радовали. Жили западные украинцы под Польшей по стандартам вполне восточным, то есть белый хлеб видели только на Рождество и Пасху. Наверно. Поэтому в 39-40 годах они почувствовали облегчение: теперь и черный, и белый хлеб постоянно были в продаже. Сахар – тоже пожалуйста. В деревне, правда, началась коллективизация, но в этом молодой Василий ничего страшного не видел. Хуже было с арестами по линии НКВД.

Прошло более 50 лет. В теплое время тот самый Вася Данилив, теперь уже ветеран труда Василий Иванович, сидел в инвалидной коляске возле своего подъезда в сибирском городе Томске. В России падение благосостояния после первой волны инфляции было таким резким, что изношенная психика бывшего гулаговца не выдержала. Вскоре Данилива не стало. Это вместо пролога. А между началом и концом осталась неповторимая жизнь, о которой Василий Иванович оставил воспоминания.

Как сыну буденновца бандитизм приписали

В 47-м я учился на бурильщика в техникуме в городе Драгобыче Львовской области, там меня и арестовали. За что? Да просто так. Сначала молодежь из ОУН искали, бандеровцев, потом за связь с бандеровцами брали. А бандеровец – он с автоматом. Ну, не дай ему хлеба – он сам возьмет. Потом под маркой бандеровцев стали брать тех, кто в Советскую Армию идти не хотел, и бывших власовцев.

Такие молодчики, которые допрашивали меня, всегда находили повод. Помню, младший лейтенант все приговаривал: "У нас кто в тюрьме не сидел, тот не человек". Бил он нас беспощадно, и сознание я терял много раз. Приписывали бандитизм. Судила меня заочно тройка в Москве, и дали мне 25 лет, а старшему брату моему Николаю – десять. Он и у немцев сидел в камере смертников за то, что отказался служить в СС. Записали его в рабочую организацию "Баудинст", а у него пальцы на правой руке не работают. Ну, посчитали, что это он умышленно, чтоб не работать. Может, и так. Он об этом никому не рассказывал. Его – в тюрьму и к расстрелу. Выручил поп из нашей деревни. Он вместе с братом в школе учился. Похлопотал перед кем надо, дали брату 25 ударов и отпустили. Потом, при Советах, Николай в трудармию попал, ну, а встретились мы в Тайшете. Родителей моих тоже посадили, хотя отец у меня в буденновской армии служил. Не спасло.

Жизнь пряталась на кончике иглы

Хорошего в Тайшете было мало: лесоповал, холод, голод... Потом перевели меня в Братск и операцию сделали. После лесоповала я уже был доходягой, но выжил. А потом попал я на Колыму. В 1950-м привезли нас в бухту Ванино, и опять я заболел тяжело. Целую ночь сидели возле меня врач и фельдшер, боялись, что концы отдам. Сами были заключенными и, видать, сочувствовали. И снова я выжил. Слабый был, лежал в трюме лицом вниз, а рядом блатные через перегородку к женщинам лазили. Привезли нас в бухту Нагаево. Потом лагерь, палатка... Осень была. Заговорился я с ребятами и не занял место на нарах. Пришлось лечь под нарами. Как прилег, так к утру и примерз к земле. Начали нас выводить на работу, а меня - в швейную мастерскую. Я на портного немножко учился, иголку держать мог, брюки рукавицы сшить умел. Была на том месте небольшая мужская зона и женская - побольше. Там я и узнал о том, что Сталин умер. В барак радио было проведено. Передали новость, и приходит к нам уполномоченный по фамилии Подгорный, кумом его звали: "У кого сохранились чувства к Родине, тем по траурному радиосигналу отстоять пять минут!" Кто в бараке был, из тех по-моему ни один не поднялся, а кого на улице сигнал захватил, те, деваться некуда, стояли.

Дальше все пришли в ожидание. Сначала мы узнали, что большие амнистии будто бы готовятся в лагерях для бытовиков, а для 58-ой (на Украине 54-ой) ничего такого не будет. Вскоре перебросили меня в поселок Менга на строительство электростанции. Плотину делали. Работал я там и бригадиром, и каменщиком. Оттуда попал на Сусуман, где уже комиссия по освобождению действовала. Ходил я тогда уже без конвоя и был при конторе на побегушках. Были в этой комиссии и военные, и гражданские, и назначили меня скатерти менять, чай покупать и бегать, куда пошлют. А в Сусуман тем временем со всех лагерей свозили политических. Со мной

начальники по руке здороваются, но говорят: "Тебя в последнюю очередь будем разбирать. Ты нам здесь нужен". Но тут машинистки молодые из конторы вмешались: "Такого в заключении держать?! Да таких джентльменов на воле мало".

А я, и, правда, одевался в то время не хуже многих вольных, потому, что сам себе мог шить. Начальник лагеря нас в пример ставил: "Не успели выйти, а Василий и Слава (земляк мой) уже на танцы ходят. И я им не запрещаю". А машинисткам я по дороге цветы собирал, они за меня и вступились. Чувствовали мы, что к концу дело идет. Восемь лет я отсидел, брат Николай - столько же. Освободили нас примерно в одно время. Сейчас он старик-пенсионер, хозяйствует в своей деревне на Украине.

Мозаика лагерного життя

Сидели со мной всякие - разные люди. Помню Петра Шнайдера, русского немца из Днепропетровска. Был он курсантом в военном училище, комсомольцем, видным парнем, а когда началась война, попал на фронт. Наступает враг. Глядь - уже нет в штабе высших офицеров, одни лейтенанты остались. Тут одна женщина ему говорит: "Снимай погоны и убегай, пока тебя..." Я, говорит Шнайдер, чуть ее на месте не застрелил. Как можно говорить такое мне, офицеру! Утром подняли нас, а мы уже окружены. В общем, в плен попал.

Когда проходила колонна Днепропетровск, увидела Шнайдера соседская девочка, побежала к немке - матери Шнайдера. Та пришла, разыскала сына в строю, и оказался он в Германии. Там его переучили и послали в Африку воевать, а потом - на Западный фронт. Его англичане в СССР и передали. В лагере Шнайдер мастером работал. Вообще среди зэков кого только не было: и русские, и украинцы, и белорусы, и жители Средней Азии. Помню, улыбались мы, когда учитель оттуда рассказывал, что у него две жены дома остались.

Побеги из лагерей бывали, но не массовые. Однажды в Тайшете бежали бывшие офицеры - русские, украинцы. Поймали их, выстроили нас, чтобы смотрели, а они, видим, настолько избиты, что и живы-то были на вряд ли. Расстреляли их, если они не умерли прежде. Когда этих людей хоронили, кто-то сказал: "Вечная им память". "Какая им еще память!" - заорал конвой.

О восстаниях только слышал, но своими глазами не видел. Говорят, в Норильске очень большое было: 30 тысяч мужчин и 15 тысяч женщин участвовали. Знаю об этом не из книг - к нам оттуда многих людей перевели. На корабле восстание было в 49-м. Хотели они уйти в Америку, но пограничные корабли вернули судно в Магадан.

До сороковых включительно среди зэков хозяйничали блатные, но в 50-е политических содержали отдельно. Если к нам блатные и попадали, сидели они ниже травы, потому что навели молодые ребята в зонах порядок. Помню одного земляка. Пришел в сапогах хромовых, в шапке полковничьей. Это потом уж я узнал, что он в изоляторе сидит как уголовник, и ему расстрел грозит.

Взаимовыручка между зэками существовала. И посылками делились, и другую поддержку оказывали, но все имело предел, и голодный в первую очередь о себе, конечно, думал. Но помаленьку условия содержания становились легче. У меня хранится лагерный альбом и там фотография, где я вместе с девушками снят в 1953 году. А в 1954-м разрешили то, чего раньше в помине быть не могло: сфотографировать похороны заключенного, которого задавило во время несчастного случая.

Хэппи- энд по-советски

Я уже говорил: что родителей у меня тоже арестовали. Мать после трех лет срока выслали в поселок Подольск Бакчарского района Томской области, где лесоучасток был. Большинство там русские составляли, кого раскулачили в начале 30-х. Когда отец вышел из лагеря, он приехал в Подольск тоже, чтобы жить вместе с матерью. Их там хорошо местные люди встретили. Сами под комендатурой до войны всласть пожили. Мать потом вспоминала, что за атамана у них был слепой мужик Семен. Когда-то он и его жена богатые были хозяева. Их после раскулачивания уже на третье место перегнали, пока они в Подольске не осели. Один сын Семена был армейским майором, другой в Томске институт кончал. И Семен, и другие к ссыльным украинцам с сочувствием относились. Я, когда освободился, по дороге с Колымы подумал: заеду! Родителей, наверно, на Украину отпустят, вместе и отправимся. А на Украине у нас только одна моя сестра оставалась, и брат Николай, когда из Тайшетских лагерей освободился, сразу туда поехал.

А у меня по-другому получилось. Нашел я в Сибири свою судьбу, женился на украинке и решил: зачем ехать, да и куда? Прикинул, что работу здесь смогу лучше найти. И работал я в Томске закройщиком до 1976 года, когда заболел тяжело и был парализован. К тому времени родители умерли, жена - тоже.

Работал я в разных местах. Легче сказать, где не работал. Над бывшим рестораном "Север" ателье было, там я трудился, Дом быта на улице Красноармейской открывал. На конкурсах первые места занимал, был дипломированным мастером и по мужской, и по женской одежде. Помню, когда меня с женой в Томске в бараке не прописывали, даже тогдашний начальник областного КГБ Прищепа – и тот сказал: "Немедленно выделить!" За мастерство меня уважали, и я думал:

зачем мне реабилитация? Об отбытом сроке я даже не вспоминал и так проработал до самой болезни. Сейчас я инвалид первой группы, живу с дочерью. А реабилитировали меня в прошлом году.

О распаде СССР

Вопрос этот очень сложный. Легко рассуждать, что вместе жить лучше. Но рана украинцам нанесена глубокая. На Украине не забыли эти горы трупов. Когда немцы оккупировали нас, на второй или третий день говорят:

"Посмотрите! Целая яма людей, заживо залитых известью!" Их не немцы расстреляли. Их чекисты загнали в яму и известью гашеной залили. Дочь местного попа оттуда вытащили с отрезанными грудями... А братство народов еще до революции надо было ковать, да не так, как потом это делалось. Поздно спохватились!

Воспоминания обработаны Николаем Кащеевым.

Из Драгобыча в Томск транзитом через бухту Ванино

Воспоминания ветерана ГУЛага В.И. Данилива.

Чем бодрей пролог, тем грустней развязка. Такова традиция трагедийного жанра, и биография Василия Ивановича Данилива, умершего в 1999 году в Томске, строго ей подчиняется. Желающие могут в этом убедиться, прочитав воспоминания, записанные со слов В.И. Данилива мемориальским историком Василием Ханевичем.

В 39-м юный житель Львовщины по имени Вася торжественно встречал Красную Армию. На «освободителей» он: правда: только смотрел, зато его тетя родом с Восточной Украины с советскими военными беседовала. Русским языком она владела лучше всех Даниливых и беспечно спрашивала, почему сестра ей пишет, что в СССР женщины ходят в юбках из

мешковины. «Это уж где как» – выходили из положения красноармейцы. В отличие от непуганной бабы, осторожничают они успели научиться.

Первые впечатления радовали. Жили западные украинцы под Польшей по стандартам вполне восточным, то есть белый хлеб видели только на Рождество и Пасху. Наверно. Поэтому в 39-40 годах они почувствовали облегчение: теперь и черный, и белый хлеб постоянно были в продаже. Сахар – тоже пожалуйста. В деревне, правда, началась коллективизация, но в этом молодой Василий ничего страшного не видел. Хуже было с арестами по линии НКВД.

Прошло более 50 лет. В теплое время тот самый Вася Данилив, теперь уже ветеран труда Василий Иванович, сидел в инвалидной коляске возле своего подъезда в сибирском городе Томске. В России падение благосостояния после первой волны инфляции было таким резким, что изношенная психика бывшего гулаговца не выдержала. Вскоре Данилива не стало. Это вместо пролога. А между началом и концом осталась неповторимая жизнь, о которой Василий Иванович оставил воспоминания.

Как сыну буденновца бандитизм приписали

В 47-м я учился на бурильщика в техникуме в городе Драгобыче Львовской области, там меня и арестовали. За что? Да просто так. Сначала молодежь из ОУН искали, бандеровцев, потом за связь с бандеровцами брали. А бандеровец – он с автоматом. Ну, не дай ему хлеба – он сам возьмет. Потом под маркой бандеровцев стали брать тех, кто в Советскую Армию идти не хотел, и бывших власовцев.

Такие молодчики, которые допрашивали меня, всегда находили повод. Помню, младший лейтенант все приговаривал: "У нас кто в тюрьме не сидел, тот не человек". Бил он нас беспощадно, и сознание я терял много раз. Приписывали бандитизм. Судила меня заочно тройка в Москве, и дали мне 25 лет, а старшему брату моему Николаю – десять. Он и у немцев сидел в камере смертников за то, что отказался служить в СС. Записали его в рабочую организацию "Баудинст", а у него пальцы на правой руке не работают. Ну, посчитали, что это он умышленно, чтоб не работать. Может, и так. Он об этом никому не рассказывал. Его – в тюрьму и к расстрелу. Выручил поп из нашей деревни. Он вместе с братом в школе учился. Похлопотал перед кем надо, дали брату 25 ударов и отпустили. Потом, при Советах, Николай в трудармию попал, ну, а встретились мы в Тайшете. Родителей моих тоже посадили, хотя отец у меня в буденновской армии служил. Не спасло.

Жизнь пряталась на кончике иглы

Хорошего в Тайшете было мало: лесоповал, холод, голод... Потом перевели меня в Братск и операцию сделали. После лесоповала я уже был доходягой, но выжил. А потом попал я на Колыму. В 1950-м привезли нас в бухту Ванино, и опять я заболел тяжело. Целую ночь сидели возле меня врач и фельдшер, боялись, что концы отдам. Сами были заключенными и, видать, сочувствовали. И снова я выжил. Слабый был, лежал в трюме лицом вниз, а рядом блатные через перегородку к женщинам лазили. Привезли нас в бухту Нагаево. Потом лагерь, палатка... Осень была. Заговорился я с ребятами и не занял место на нарах. Пришлось лечь под нарами. Как прилег, так к утру и примерз к земле. Начали нас выводить на работу, а меня - в швейную мастерскую. Я на портного немножко учился, иголку держать мог, брюки рукавицы сшить умел. Была на том месте небольшая мужская зона и женская - побольше. Там я и узнал о том, что Сталин умер. В барак радио было проведено. Передали новость, и приходит к нам уполномоченный по фамилии Подгорный, кумом его звали: "У кого сохранились чувства к Родине, тем по траурному радиосигналу отстоять пять минут!" Кто в бараке был, из тех по-моему ни один не поднялся, а кого на улице сигнал захватил, те, деваться некуда, стояли.

Дальше все пришли в ожидание. Сначала мы узнали, что большие амнистии будто бы готовятся в лагерях для бытовиков, а для 58-ой (на Украине 54-ой) ничего такого не будет. Вскоре перебросили меня в поселок Менга на строительство электростанции. Плотины делали. Работал я там и бригадиром, и каменщиком. Оттуда попал на Сусуман, где уже комиссия по освобождению действовала. Ходил я тогда уже без конвоя и был при конторе на побегушках. Были в этой комиссии и военные, и гражданские, и назначили меня скатерти менять, чай покупать и бегать, куда пошлют. А в Сусуман тем временем со всех лагерей свозили политических. Со мной

начальники по руке здороваются, но говорят: "Тебя в последнюю очередь будем разбирать. Ты нам здесь нужен". Но тут машинистки молодые из конторы вмешались: "Такого в заключении держать?! Да таких джентльменов на воле мало".

А я, и, правда, одевался в то время не хуже многих вольных, потому, что сам себе мог шить. Начальник лагеря нас в пример ставил: "Не успели выйти, а Василий и Слава (земляк мой) уже на танцы ходят. И я им не запрещаю". А машинисткам я по дороге цветы собирал, они за меня и вступились. Чувствовали мы, что к концу дело идет. Восемь лет я отсидел, брат Николай - столько же. Освободили нас примерно в одно время. Сейчас он старик-пенсионер, хозяйствует в своей деревне на Украине.

Мозаика лагерного життя

Сидели со мной всякие - разные люди. Помню Петра Шнайдера, русского немца из Днепропетровска. Был он курсантом в военном училище, комсомольцем, видным парнем, а когда началась война, попал на фронт. Наступает враг. Глядь - уже нет в штабе высших офицеров, одни лейтенанты остались. Тут одна женщина ему говорит: "Снимай погоны и убегай, пока тебя..." Я, говорит Шнайдер, чуть ее на месте не застрелил. Как можно говорить такое мне, офицеру! Утром подняли нас, а мы уже окружены. В общем, в плен попал.

Когда проходила колонна Днепропетровск, увидела Шнайдера соседская девочка, побежала к немке - матери Шнайдера. Та пришла, разыскала сына в строю, и оказался он в Германии. Там его переучили и послали в Африку воевать, а потом - на Западный фронт. Его англичане в СССР и передали. В лагере Шнайдер мастером работал. Вообще среди зэков кого только не было: и русские, и украинцы, и белорусы, и жители Средней Азии. Помню, улыбались мы, когда учитель оттуда рассказывал, что у него две жены дома остались.

Побеги из лагерей бывали, но не массовые. Однажды в Тайшете бежали бывшие офицеры - русские, украинцы. Поймали их, выстроили нас, чтобы смотрели, а они, видим, настолько избиты, что и живы-то были на вряд ли. Расстреляли их, если они не умерли прежде. Когда этих людей хоронили, кто-то сказал: "Вечная им память". "Какая им еще память!" - заорал конвой.

О восстаниях только слышал, но своими глазами не видел. Говорят, в Норильске очень большое было: 30 тысяч мужчин и 15 тысяч женщин участвовали. Знаю об этом не из книг - к нам оттуда многих людей перевели. На корабле восстание было в 49-м. Хотели они уйти в Америку, но пограничные корабли вернули судно в Магадан.

До сороковых включительно среди зэков хозяйничали блатные, но в 50-е политических содержали отдельно. Если к нам блатные и попадали, сидели они ниже травы, потому что навели молодые ребята в зонах порядок. Помню одного земляка. Пришел в сапогах хромовых, в шапке полковничьей. Это потом уж я узнал, что он в изоляторе сидит как уголовник, и ему расстрел грозит.

Взаимовыручка между зэками существовала. И посылками делились, и другую поддержку оказывали, но все имело предел, и голодный в первую очередь о себе, конечно, думал. Но помаленьку условия содержания становились легче. У меня хранится лагерный альбом и там фотография, где я вместе с девушками снят в 1953 году. А в 1954-м разрешили то, чего раньше в помине быть не могло: сфотографировать похороны заключенного, которого задавило во время несчастного случая.

Хэппи- энд по-советски

Я уже говорил: что родителей у меня тоже арестовали. Мать после трех лет срока выслали в поселок Подольск Бакчарского района Томской области, где лесоучасток был. Большинство там русские составляли, кого раскулачили в начале 30-х. Когда отец вышел из лагеря, он приехал в Подольск тоже, чтобы жить вместе с матерью. Их там хорошо местные люди встретили. Сами под комендатурой до войны всласть пожили. Мать потом вспоминала, что за атамана у них был слепой мужик Семен. Когда-то он и его жена богатые были хозяева. Их после раскулачивания уже на третье место перегнали, пока они в Подольске не осели. Один сын Семена был армейским майором, другой в Томске институт кончал. И Семен, и другие к ссыльным украинцам с сочувствием относились. Я, когда освободился, по дороге с Колымы подумал: заеду! Родителей, наверно, на Украину отпустят, вместе и отправимся. А на Украине у нас только одна моя сестра оставалась, и брат Николай, когда из Тайшетских лагерей освободился, сразу туда поехал.

А у меня по-другому получилось. Нашел я в Сибири свою судьбу, женился на украинке и решил: зачем ехать, да и куда? Прикинул, что работу здесь смогу лучше найти. И работал я в Томске закройщиком до 1976 года, когда заболел тяжело и был парализован. К тому времени родители умерли, жена - тоже.

Работал я в разных местах. Легче сказать, где не работал. Над бывшим рестораном "Север" ателье было, там я трудился, Дом быта на улице Красноармейской открывал. На конкурсах первые места занимал, был дипломированным мастером и по мужской, и по женской одежде. Помню, когда меня с женой в Томске в бараке не прописывали, даже тогдашний начальник областного КГБ Прищепа – и тот сказал: "Немедленно выделить!" За мастерство меня уважали, и я думал:

зачем мне реабилитация? Об отбытом сроке я даже не вспоминал и так проработал до самой болезни. Сейчас я инвалид первой группы, живу с дочерью. А реабилитировали меня в прошлом году.

О распаде СССР

Вопрос этот очень сложный. Легко рассуждать, что вместе жить лучше. Но рана украинцам нанесена глубокая. На Украине не забыли эти горы трупов. Когда немцы оккупировали нас, на второй или третий день говорят:

"Посмотрите! Целая яма людей, заживо залитых известью!" Их не немцы расстреляли. Их чекисты загнали в яму и известью гашеной залили. Дочь местного попа оттуда вытащили с отрезанными грудями... А братство народов еще до революции надо было ковать, да не так, как потом это делалось. Поздно спохватились!

Воспоминания обработаны Николаем Кащеевым.

